

Artykuły teoretyczne i historyczne

Теоретические и исторические статьи

Илья Я. Левяш

Национальна академия наук Беларуси, Минск

От геополитики к геоглобалистике: проблема синтеза интересов и ценностей

Od geopolityki do geoglobalistyki: problem syntezy interesów i wartości

Интересы и ценности в зеркалах идентификации и самоидентификации

Кто же здесь, собственно, задает нам вопросы?

(...) Кто из нас здесь Эдип? Кто сфинкс?

Фридрих Ницше

Безотносительно к тем или иным субъектам культуры/цивилизации, проблема их идентичности может быть представлена как вопрос Сфинкс Эдипу. Вопреки устойчивому предрассудку, это не разные персонажи. Сфинкс – это Эдип, озадаченный вопросом о *собственной* сущности. Между тем, по Фоме Аквинскому, «сущность всякой вещи есть то, что выражено в определении, которое содержит родовое, а не индивидуальное (...) сущность вещей не согласуется с существованием (...)»¹. К этой сути еще нужно пробиться через устойчивые стереотипы, или «идолы» (Ф. Бэкон), и верный способ их «расколдовать» – это преодоление одного из самых устойчивых «идолов» фатального конфликта между существованием «во мнении» (идентификацией) и адекватным осознанием своей сущности (самоидентификацией).

¹ История философии в кратком изложении, Мысль, Москва 1994, с. 26, 263.

Говоря словами классика, такая оппозиция – «не просто чепуха». У нее есть онтологические и аксиологические основания, но в «природе вещей» заложены не только различия между ними, но и их взаимообусловленность. Классический прецедент подлинного соотношения между идентификацией и самоидентификацией преподан Гете: «Тот же, кто духом незыблем, тот собственный мир создает»². Эту ясную позицию Зевс европейской поэзии разъяснил в размышлениях в связи с изданием во Франции собрания его трудов. Он писал, что «в новейшее время французы начинают в нас ценить именно то, что *мы сами считаем для себя наиболее ценным* (...) каждую нацию, равно как и значительные труды любого ее представителя, можно понять исходя *из них* и *от них*, и (...) судить о таковых можно, только считаясь с присущими им особенностями [курсив мой – И.Л.]»³.

Проблема в том, чтобы, не нарушая *меры* взаимодействия между «Мы» и «Они», с одной стороны, не подменять в *релятивистском* духе самоидентификацию идентификацией в духе: «Что скажет матушка Мария Ляксевна?», а с другой – не преувеличивать своей самодостаточности, достигать *реальной субъектности* и, в конечном счете, *легитимации*. Всегда уместно прислушаться к во многом постигнутому Россией и нелюбимому А. де Кюстину, который заметил, что, если русские «хотят присоединиться к европейским народам и быть с ними на равных, они должны научиться переносить суждения других о себе». Вместе с тем «у народов всегда есть достаточно причин быть такими, какие они есть: и лучший из них тот, кто не может быть другим»⁴.

Между тем Россия в условиях «распада связи времен» 80–90 гг. Прошлого, хотя еще совсем недавнего XX столетия, в историческом беспамятстве предала забвению максимуму Ф. Достоевского: «Только бы мы осамились, стали самими собой» [Т. 11, с. 137]. Но полезно не пренебрегать и тем, что, по А. Сахарову, самоопределение – это творческий ответ на вызовы взаимосвязанного глобального мира. «Спасение страны – писал он – в ее *взаимодействии* со всем миром и невозможно без спасения всего человечества»⁵.

Возвращение к себе, или понимание собственной субъектности, возможно и необходимо только в контексте современного *взаимосвязанного* мира. Это проблема постижения и обновления трудной *меры* между национальными интересами и всечеловеческими ценностями, иными словами, *realpolitik* и *universalis*, хотя типичной является убежденность в фатальной оппозиции «интересы contra ценности», вплоть до конфликтов народов – и не только

² И.В. Гете, Собрание сочинений, Т. 5, Худож. Литература, Москва 1977, с. 584.

³ И.В. Гете, Собрание сочинений, Т. 10, Москва 1980, с. 375–376.

⁴ А. де Кюстин, Россия в 1939 году. Резюме // Вопросы философии 1994, № 2, с. 98.

⁵ А. Сахаров, Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе, Москва 1991, с. 146.

с другими, но и с самими собой. До сих пор «различные толкования» не отменяют поклонения такому расхожему «идолу», как позитивистская *редукция* ценностей к интересам, или к «пользе». «Мы часто смешиваем два этих качества – „ценность” и „пользу” – и это приводит в тупик: разве вещь ценна не тем, что она по-лезна? Это, конечно, говорит рассудок (...) (он) упорно пытался и пытается аннексировать понятие ценности (...), зачислить „ценность” на службу „по-лезности”, подчинить ей „ценность” или хотя бы представить „ценность” дополнением к „полезности”»⁶.

В равной мере ошибочны редукция ценностей к интересам «полезности», как и представления о том, что «трепетную лань» *universalis* нельзя запрячь вместе с «конем» *realpolitik*. Пашет все-таки не геополитический плуг, а социокультурный *пахарь с помощью плуга*. Если же геополитический «плуг» полагает себя самодостаточным, то он напоминает иронию Д. Дидро о «сумасшедшем фортепьяно», которое возомнило, что само творит музыку.

Интересы – это осознанные и направленные на определенные объекты потребности. Со времени Аристотеля известно, что одной из фундаментальных потребностей людей является их соединение в политике для достижения общественного блага. Такое состояние в отрешенной форме описывается не в терминах потребностей и интересов, а как *axio* – ценность и *axios* – достойный. Ценность не существует ни как самодостаточная «вещь в себе», ни как творение «из ничего». Она всегда – их взаимосвязь.

Ценности – любые феномены (вещи и процессы, действия и поступки), которые *значимы* для человека в связи между их объективными свойствами и потенциальной, а в практической деятельности – реальной способностью удовлетворять потребности человека, служить реализации его интересов, достижению желаемых целей. Отсюда потребность «(...) связывать ценность данного поступка, данного характера, данной личности с намерением, с целью, ради которой действуют, поступают и живут (...)»⁷, или с ее смыслом. Такой смысл – антропоморфного происхождения. Его «нет налицо», и «*влагать известный смысл*» – всегда непреходящая задача. «Так дело обстоит (...) с судьбами народов: они допускают самые различные толкования для самых *различных целей*»⁸. Символически интересы соотносятся с ценностями как *зерно и плод*. Зерно в потенции содержит в себе плод, и оно может этого не сознавать и даже позиционировать и бунтовать против плода. В зрелой – мудрой и ответственной – политике «полезность зачисляется на службу» ценностям приоритетам, которые определяют смыслы, направленность, структуру и динамику интересов. В конечном счете, между ними – отношения не конфронтации, а *инверсии*.

⁶ З. Бауман, Индивидуализированное общество, Логос, Москва 2002, с. 207.

⁷ Ф. Ницше, Воля к власти, Refl-book, Москва 1994, с. 310.

⁸ *Ibidem*, с. 285.

Однако «лицом к лицу – лица не увидеть. Значительное видится на расстоянии». Высоко ценимый Ф. Ницше «пафос расстояния» и производная от него веберовская мудрость «глазомера» не приходят автоматически и нередко связаны с фундаментальными заблуждениями в поисках самоидентификации и идентификации.

Центральная проблема в этой связи – диалектика *национальных интересов и ценностей*. Она предстает в двух основных версиях. Первая из них – *релятивистская* – сводится к тому, что страна видит себя глазами внешнего, но *конституирующего* Другого, и нередко принимает созданные извне имиджи за собственную суть. Подмена сути приводит к синдрому Гулливера: в стране лиллипутов он уверовал в свой гигантизм и, вернувшись в Лондон, кричал экипажам, чтобы они посторонились. В более радикальной редакции такая мания известна как хрущевское «мы вас закопаем».

Внешний Другой всегда играет роли генерирующего или дегенерирующего фактора, но никогда – конституирующего. Иначе мы попадаем в ловушку постмодерного симулякра – формы без сути. По Ницше, следует не *казаться*, а *быть*. Молодой Владимир Ульянов идентифицировал Россию своего времени задолго до эмиграции. Его сестра А. Ульянова-Елизарьева вспоминала о впечатлении будущего «нашего всего» от чеховского рассказа: «Когда я дочитал вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко (...). У меня было такое ощущение, точно я заперт в палате № 6»⁹. Нестерпимое ощущение тотального отчуждения переживала вся угнетенная и оскорбленная Россия – в решающей мере независимо от «хвалы или клеветы» многоликих и поныне здравствующих Других.

Объяснение подобных феноменов в том, что самоидентификация, или *субстанциональное* самоопределение зрелого субъекта, первична относительно его идентификации. Этот процесс также не в «белых одеждах», не свободен от ошибок и заблуждений. Но его смысловое средостение – в позиционировании не относительно внешнего Другого, а внутреннего, своего Другого, рефлексии субъекта «наедине с собой».

Блеск и нищета геополитического фундаментализма

Экспансия всегда была всем, и по причине ограниченности всемирной территории главной целью современного человечества должно стать приобретение как можно большего количества участков земли

Сесил Родс

⁹ Цит. по: А.П. Чехов, Сочинения, Т. 8, Наука, Москва 1977, с. 463.

Канувшее в Лету XX-ое столетие стало неизвестным ранее по масштабам и напряженности испытанием мира на грани между *хаосом* и *порядком*. Дурная бесконечность мировых, региональных и гражданских военных конфликтов, каскад глобальных научно-технических революций (прежде всего – информационной), угроза экологического коллапса, бурная интернационализация экономических и политических процессов, превращение еще недавно незыблемых имперских образований в колоссов на глиняных ногах и их крах, наконец, противостояние в двухполюсном мире и его смена неопределенностью однополюсного, многополюсного или многомерного мира – все эти тектонические сдвиги потребовали осмысления новой *динамической* картины конфликтогенной глобальной реальности, адекватного ответа всех наук о человеке, отпочкования на их древе новых дисциплин с собственным предметом и структурой, методологией и назначением (смыслом), самоопределения в системе наук и вместе с тем их геоглобалистского синтеза. На ристалище планетарного соперничества права силы или силы права геополитика становится не только относительно самостоятельной, но и престижной и востребуемой формой знания практически всех игроков за «шахматной доской». Она рассматривается как междисциплинарное знание о системе взаимосвязей между политическими организмами под географическим углом зрения. Уже на пороге XX в. один из фундаторов геополитики Х.Дж. Маккиндер определил ее как «комбинированное изучение географии, человека и прикладных политических наук»¹⁰. Французский геополитик И. Лакост обозначил предмет геополитики как весь спектр отношений между государствами, которые имеют пространственное выражение¹¹.

Независимо от своей предыстории или современного состояния, в геополитическом знании и практиках всегда более или менее ясно пролегает водораздел между двумя концептуальными и смыслообразующими *ветвями* – *realpolitik* (политического реализма) и *universalis* (универсализма). Первая опирается на такой краеугольный камень, как «национальные/государственные интересы», вторая исходит из приоритета общечеловеческих ценностей. Суть дилеммы, как и в политике вообще – *право силы или сила права, авторитет силы или сила авторитета*.

Рождение геополитики во многом обусловлено идеями *органической* связи территории и государства. Изначально государство считалось организмом, а политика – борьбой за его жизненное пространство. Такая методологическая ориентация не была случайной. *Организмическая* методология окончательно оформилась и господствовала в социальной философии XVIII–XIX в.в., и К. Маркс также апеллировал к ней, хотя уже только в метафорическом смысле (общественная формация как социальный организм).

¹⁰ Цит. по: Мировая экономика и международные отношения, Москва 1990, № 1, с. 35.

¹¹ См.: Y. Lacoste, *Les Geographes: l'action et la politique Herodote*, Paris 1984.

В марксовской методологии общественная жизнь по существу является *практической*, синтезом материального и духовного. Мир человека – это целостная структура и динамика деятельности человека, как биосоциального существа, и созданных им технологий как очеловеченной/обесчеловеченной природы. Ни одна из подсистем этого мира не может ни возникнуть, ни развиваться вне их внутренней, органичной и динамической взаимообусловленности. Понятие «органичность» в таком контексте утрачивало натуралистический смысл и обретало значение антропоморфного и не уже столько естественного, сколько исторически обусловленного феномена.

Но это были «преждевременные мысли». Господствующая тенденция еще заключалась в *буквальном* оперировании организмической методологией. Ее *суть*, при всем различии взглядов виднейших представителей, заключается в видении общества как сложнейшего организма, который возникает и развивается по естественным законам, прежде всего благодаря взаимосвязям между социальным организмом и т.н. «естественной средой». Одни из фундатторов такого подхода акцентировали на примате естественных факторов их взаимодействия (социал-дарвинизм), иные впадали в механистические и социологизаторские упрощения.

В XX в. геополитическое знание было не только влиятельным соперником господствующих теорий империализма и революционного переустройства общества, но и пытались их «задушить в объятиях» более основательной, с точки зрения его адептов, интерпретации международной политики. Своеобразным введением к постижению ее сути может быть точка зрения известного геополитического фундаменталиста, одного из идеологов бельгийских «новых правых» Р. Стойкерса: «Основным выводом из синтезирующего характера геополитики является то, что мы не можем больше рассматривать политические сообщества как стабильные политические организмы, их необходимо считать живыми организмами (...). Государства тоже являются живыми организмами, хотя этот факт отрицается господствующими идеологиями, поскольку они пользуются методологией эпохи Просвещения (...) знать геополитическую программу нации – это знать глубинные инстинкты»¹². Такая претензия подкреплялась апелляцией к способности геополитики навести смысловые мосты между политикой и сакральной географией.

Изложенные идеи дают основания для краткого ознакомления с базовыми положениями по определению консервативной классической геополитики. Н. Косолапов отмечает, что, если теории империализма выводили свои положения из анализа явлений и процессов макросоциальной среды, то теории геополитики обратились к макросвязям общества и природы, даже еще более узко – государства и географии. Они сформулировали принцип,

¹² Цит. по: Элементы, Москва 1992, № 1, с. 2.

согласно которому географическое положение государства и его доступ к коммуникациям решающим образом формируют структуру внешних интересов государства, предопределяя тем самым и его поведение в мире, то есть его внешнюю политику *безотносительно* к тому, о каком историческом, социальном, политическом типе государства идет речь. Вывод заключался в том, что во внешней политике государства присутствуют и играют особую роль некие инвариантные факторы, не претерпевающие существенных перемен на протяжении исторически значимых сроков и периодов. «Все подходы оперировали в принципе одним и тем же комплексом базовых понятий: «государство», «национальное государство», «сила», «баланс сил», «национальный интерес». Каждая теория стремилась определить и обосновать решающий, даже исключительный фактор или группу факторов»¹³.

В концептуальном виде геополитическое знание вначале предстало в работе Ф. Ратцеля «Политическая география» (1903). Ее автор рассматривал государство как продукт биологической эволюции. Он впервые придал геополитический статус понятию *lebensraum* – *жизненного пространства*, или пространственной сферы, необходимой государственному организму для свободного развития. В этом пространстве-среде государства естественным образом возникают, живут и умирают. Задача заключается в том, чтобы открыть законы их становления, эволюции и ухода с исторической сцены. Определяющим законом является экспансия, рост пространственных размеров государства.

Исходя из фактов истории и роста народонаселения, Ратцель пришел к заключению, что растущее население оказывает давление на границы государства, которые в силу этого имеют тенденцию к расширению. Ему принадлежит также идея соответствия размеров государства воинственности народа. Народы, стоящие на низших ступенях цивилизации, образуют малые государства, на высокой – большие. Поэтому поглощение малых стран и народов большими – неизбежное следствие и показатель роста цивилизации. В будущем, писал Ратцель, новые великие державы будут возникать на основе разгрома старых. Этот процесс подчиняется закону противостояния между континентальными и морскими державами. Такие идеи получили громкий, дружный и долгосрочный резонанс.

Буквально через год после работы Ратцеля, как безошибочное свидетельство того, что геополитические идеи буквально «витают в воздухе», Х.Дж. Маккиндер в работе «Географический стержень истории» (более поздняя публикация – 1942) конкретизировал и развил концепцию *геополитической оси* в представлениях о *хартленде* (буквально англ. *heart* – сердцевина, нем. *herz* – сердце) – «сердцевинного», «срединного», центрального жизненного пространства. Хартленд – это пространство *теллурокра-*

¹³ См.: Мировая экономика и международные отношения, Москва 1998, № 1, с. 88, 89.

тии, Земли, «Суши», континентальное пространство центральной Евразии (Россия, Казахстан, Монголия, Северный Китай, в иных, более «тесных» вариантах – территория бывшего Советского Союза), не подверженное разрушительному воздействию вооруженных сил морских и океанских держав. Хартленду противостоит геополитический комплекс *талассократии*, вначале моря, затем «Океана», или *римленда* (англ. *rim* – край, зона морских пространств). К нему прежде всего относятся США, Великобритания, Япония и даже Австралия.

История пронизана соперничеством этих фатальных антагонистов. Широко распространенной была теория о том, что более способными к прогрессу являются «морские» народы, тогда как «континентальные» отличаются повышенным консерватизмом. Опыт показывает, что по ряду факторов хартленд непобедим. Контроль над ним есть, в конечном счете, контроль над миром («главный приз», как определил его высшую ценность американский политолог Зб. Бжезинский).

Один из последователей Ратцеля – Р. Челлен – не только ввел понятие «геополитика», но и добивался ее введения в мир науки и образования как академической дисциплины. Он разработал концепцию *основной геополитической оси*, которая проходит по диагонали всего евразийского континента – от Северного моря до Персидского залива – и зиждется на общности коренных интересов расположенных в ее пределах государств. Стабильность международного порядка – в поддержании единства этого континентального пространства, а источник напряженности и конфликтных ситуаций – в попытках неконтинентальных держав нарушить и сломать эту ось. Челлен считал, что такие конфликты в Европе, как балканский или кавказский, а также между европейскими государствами, США и Японией, вызваны воздействием на геополитическую ось трех факторов – расширения территории, ее монолитности и свободы передвижения. Челленовская геополитика обосновала и оправдывала агрессию как результат борьбы государств за существование, как «естественный и необходимый рост в целях самосохранения». Челлену принадлежит также теория *автаркии*, кардинально заменяющая систему «открытых дверей» режимом «закрытого занавеса»¹⁴.

Назревающий кризис наций-государств и объективную тенденцию к транснационализации связей, а с ней – к обострению межгосударственных и региональных противоречий, формированию надгосударственных явлений «по интересам» выразил К. Хаусхофер в основанном им в 1923 г. Журнале «Геополитика». Он ввел понятие *больших пространств* как суперрегиональных геополитических комплексов (паневропейского, панамери-

¹⁴ См.: Л.Г. Ионин, Консервативная геополитика и прогрессивная глобалистика // Социс, Москва 1998, № 10, с. 276–277.

канского, паневразийского), которые идут на смену нациям-государствам. До Второй мировой войны Хаусхофер адаптировал концепт «больших пространств», в который были вписаны готовые для практического использования лозунги вроде «народа без жизненного пространства».

В отличие от геополитиков, рассматривающих мир под углом зрения единой оси, Хаусхофер исходил из противостояния больших пространств вдоль параллелей (англо-американский комплекс) и меридианов (восточно-азиатский комплекс). В этом ракурсе будущее планеты зависит от способности англо-американского комплекса в экспансии вдоль параллелей нейтрализовать сопротивление восточно-азиатского комплекса вдоль меридианов. В 1939 г. Хаусхофер предложил проект большого континентального евразийского союза – от Франции до Японии, а в его рамках – германо-советский пакт. Это предложение было направлено В. Молотову, но по понятным причинам ответа не последовало.

Попытку модифицировать концепцию Маккиндера о геополитической оси предприняли не только известные европейские геополитики, но и американцы Н. Спайкмен, А. Мэхен, С. Коэн и др. Их теории также основывались на предположении, что в мире существует некий ключевой регион, контроль над которым обеспечит господствующие позиции во всем мире. Различия заключались лишь в определении местоположения этого региона и его конфигурации. Геополитический императив рассматривался в отвлечении от вопроса о природе государства. С точки зрения Спайкмена, «география есть самый фундаментальный фактор во внешней политике государств (...). Министры приходят и уходят, но цепи гор остаются неколебимыми»¹⁵.

Спайкмен подверг ревизии концепцию единой и неделимой геополитической оси, противопоставив континентальному комплексу океанический комплекс. Исходя из основных результатов Второй мировой войны, он заключил, что отныне центром международной системы является не «срединная земля», а «срединный океан» от берегов Америки до Западной Европы, т.е. Атлантическое сообщество. По своему значению «срединная земля» уступает «срединному океану», Нью-Йорк и побережье США – это «нервный центр», а Западная Европа – «интеллектуальный центр» мира, его «банк серого вещества».

В целом *центральный* для политического реализма является понятие интереса, определенного в терминах власти (1961). Существо «реалистического» подхода с характерным для него пониманием мировой политики, как бескомпромиссной борьбы за власть и влияние, остается прежним. Одним из его ключевых постулатов является положение об *анархической* природе международных отношений. Согласно ему, именно анархия отличает их от

¹⁵ N.J. Spukman, *America's Strategy in World Politics. The United States and the Balance of Power*, New York 1942, p. 41, 434–435.

внутриобщественных отношений, главной из которых является монополия государства на легитимное насилие в рамках своего внутреннего суверенитета. Анархия же международных отношений проявляется, *во-первых*, в отсутствии общего правительства, *во-вторых*, в неизбежной для каждого государства необходимости рассчитывать только на себя, на свои собственные возможности в отстаивании своих интересов.

С точки зрения рассматриваемой парадигмы, главным содержанием традиционной геополитической теории остается изучение межгосударственных конфликтов и войн, а ее центральной проблемой – безопасность. Она рассматривается прежде всего в ее военно-силовом и государственно-центристском виде, концентрации внимания на так называемой «*дилемме безопасности*», или «нулевой сумме», в соответствии с которой чем больше безопасности добивается для себя одно государство (или союз государств), тем в меньшей безопасности оказывается другое государство (или союз).

Формула Б. Паскаля: «Королева мира – сила, а не общественность» – оказалась долгожительницей. При всем многообразии геополитических доктрин, отмечает М. Лернер, их сущность заключается в том, что «самой большой реальностью в борьбе за положение в мире является сила (...) не приходится рассчитывать ни на замену силы международным правом и моралью, ни даже на серьезное их воздействие на применение силы (...) от человеческой природы нечего ждать, кроме своекорыстия»¹⁶.

Это апелляция к природе человека, понятой в аксиологической оптике *эгоцентризма*. Российский геополитик А. Дубнов ясно пишет, что «основополагающий принцип геополитической аксиологии заключается в постулировании *отсутствия общечеловеческих геополитических ценностей* (...). Это малопривлекательно с глобально-человеческой точки зрения (...). Очевидно, в основе реального знания о социальных организациях лежит оценочный, аксиологический подход, который без умолчаний манифестируется геополитиками»¹⁷.

Есть смысл поставить вопрос о *соразмерности* притязаний фундаменталистской геополитики на роль некой «науки наук», глубинное и даже сакральное всезнание «природы вещей», и вместе с тем, ее верификации *практикой*. С одной стороны, поистине вселенские претензии такого гносиса приводят к тому, что, как иронически пишет Н.А. Уайтхед, «однажды великий государственный деятель посоветовал своим соотечественникам пользоваться крупномасштабными картами как средством против тревог, паник и всеобщего непонимания действительного отношения между народами»¹⁸.

¹⁶ М. Лернер, Развитие цивилизации в Америке, Т. 2, Радуга, Москва 1992, с. 438.

¹⁷ А.П. Дубнов, Глобальный прагматизм геополитики (машинопись научного доклада), Новосибирск, 1993.

¹⁸ А.Н. Уайтхед, Избранные труды по философии, Наука, Москва 1990, с. 243.

Адепты фундаменталистской геополитики внушают, что владеют «последней тайной» международных отношений, жесткой, инвариантной формулой мистической связи между человечеством, политикой и «властью земли», фатально предопределяющей ход событий. Такая манифестация впечатляет дезориентированное сознание. Органная мощь гео-мышления такова, что, по словам экс-президента Франции Миттерана, его любимым занятием было прочтение «партитуры глобусов». Понятие «геополитика» буквально на слуху, и без него не обходится не только ни один заметный внешне-политический документ или аналитическая публикация, но – и это главное – ни одно важное политическое решение или тем более – пиар-акция.

Однако конкретно-историческая почва этого посева далека от жатвы. Как заметил Ф. Энгельс, «если сапожную щетку зачислить в разряд млекопитающих, то от этого у нее не вырастут молочные железы». Одним из первых геополитику подверг жесткой верификации Дж. Оруэлл: «Примечательно, что среди „экспертов“ всех направлений не нашлось ни одного, кто бы оказался способен предсказать такое вероятное событие, как русско-германский пакт 1939 года (...). Некоторые авторы консервативного направления (...) предсказывали соглашение между Германией и Россией, но они ожидали, что это будет действительный союз или даже объединение. Ни один марксистский или левый автор любого оттенка даже близко не подошел к тому, чтобы предсказать этот пакт»¹⁹.

Стоит заметить, что на противоположном краю «партийного» спектра – тоже заметный дефицит признанных пророков. Если, по Канту, исходить из того, что «исследователь – это человек, выслушивающий свидетелей», то к «делу» о природе и судьбах двухполюсного мира привлекались самые разные эксперты. Среди них были не только достаточно претенциозные, но и недостаточно компетентные. О последних исчерпывающе высказались Р. Арон и В. Быковский. «К сожалению, мы их не переделаем, – констатировал известный советский диссидент. – Я никогда не забуду, как приехал в Париж, а Раймон Арон был еще жив. Я ему говорю: „Знаешь, ужасно. Я здесь, на Западе, 10 лет пытаюсь объяснить, а они ничего не понимают“. Он на меня посмотрел умными глазами и сказал: „Ну что вы, 10 лет ... Я 50 лет пытаюсь им объяснить, и это совершенно безнадежно“»²⁰.

Понятно, почему нацистские стратеги проигнорировали совет Бисмарка никогда не воевать с Россией. Но почему вашингтонские стратеги после американской катастрофы во Вьетнаме снова наступили на грабли в Ираке (и совсем недавно – в Афганистане)? Ответ подсказывает созданный Ж.-Ж. Руссо образ дикаря: он заметил, что перед дождем уровень ртути в барометре понижается, и, желая дождя, выковырял часть ртути до удобного ему

¹⁹ Дж. Оруэлл, Эссе. Статьи. Рецензии, Т. 2, Пермь 1992, с. 238–239.

²⁰ Русская мысль, Париж, 14.12.1990.

уровня. Дикарская ментальность напоминает, что фундаменталистская геополитика – сомнительное достояние «последних из могикан». Тем не менее, следует признать, что некоторые известные западные авторы выработали концепции, в которых, наряду с неадекватными положениями, содержатся и немалые грани истины. Вопрос – в методологических источниках как первых, так и вторых. Если известные работы Ф. Фукуямы о «конце истории», как наступления царства либерального Разума, оказались такой же антидиалектической «изменой развитию», в какой упрекали Гегеля за его финалистскую идею наступления абсолютного Разума, то этого нельзя сказать о «конце истории» командно-административной системы в СССР. С. Хантингтон давно и верно писал об эфемерном характере глобального конфликта «капитализм – социализм», но так и не понял, что за потенциальной угрозой «столкновения цивилизаций» стоит не их фатальная несовместимость, а в принципе – противоречия между различными культурно-цивилизационными ступенями модернизации мира в условиях глобализации. Говоря библейским языком, «вычислен и найден легким» и недавний прогноз З. Бжезинского о безнадежной «старушке Европе», а ныне его неумеренные комплименты Евросоюзу.

К. Маркс писал, что «мертвые хватают живых». Фундаменталистская геополитика выполнена в стиле *ретро* и напоминает странное существо на картине немецкого художника П. Клея – птицу, которая туловищем устремлена вперед, но с повернутой назад головой. В таком ключе – и откровение лидера радикального российского неоевразийства А. Дугина: «Кто говорит геополитика, тот говорит война» (1998). И все это – после Хиросимы и Холокоста. Это действительно *сон разума*, и, возможно, М. Цветаева не совсем права в своей догадке: «Не весело, должно быть, спать // с одной картой полушарий!».

Диагноз всемирной шахматной *тоски*, как ностальгии *по естественному* («зверскому», в терминах Макиавелли) состоянию, поставлен Ф. Ницше: «Естественнее стало наше положение *in politics*: мы усматриваем проблемы мощи, некоторый *quantum* силы, относительно другого *quantum* 'а. Мы не верим в право, которое бы не покоилось на силе отстоять себя, мы ощущаем все права как завоевания»²¹. С этого начинал и Наполеон, но закончил он на острове св. Елены выразительным резюме: «(...) в конце концов дух всегда одерживает победу над мечом»²². В таком ключе обретает новый смысл реплика Талейрана: «Со штыками можно делать все, что угодно. Единственное – на них нельзя сидеть». В рациональном виде этот недуг выявлен Гегелем: «(...) остался лишь черствый партикуляризм, отвратительная обособленность, которая упорно и упрямо отстаивает себя и именно поэтому

²¹ Ф. Ницше, *op. cit.*, с. 97.

²² Цит. по: А. Камю, Чума, Наука, Новосибирск 1992, с. 426.

оказывается в полной зависимости от других и во враждебных отношениях с ними»²³. В итоге воспроизводство классической геополитики в условиях современности означает грубую *редукцию* глобализирующегося, все более многомерного мира, лишь к одному – территориально-организмическому – измерению, а в контексте его суперсложности и хрупкости – глобальную бессознательную провокацию.

И все же Земля, к всевластию которой апеллирует геополитический фундаментализм, не только, согласно Галилею, «вертится», но и необратимо изменяется, а с ней – и *realpolitik*. Динамика международных отношений потребовала существенной модификации концепции Спайкмена, и, к его чести, она заметно трансформировалась. Уже в 1992 г. он предложил «целый спектр» принципов, выходящих далеко за рамки территориальной доминанты и способных в синтезе обеспечить эффективную геополитику: 1) территория, пространство; 2) тип границ (безопасность); 3) количество населения; 4) сырье; 5) экономическое и технологическое развитие; 6) финансовая мощь; 7) расовая однородность; 8) интеграция всех социальных слоев; 9) политическая стабильность; 10) национальный дух.

Эволюция идей Спайкмена симптоматична. Это уже *неореализм*, возникший в конце 70-х г.г. Он включил в свое содержание *структурное понимание силы*, в соответствии с которым она не сводится к военному компоненту, а предполагает также экономическую, информационно-коммуникативную, научную, финансовую и производственную составляющие. В нем нашли свое место и другие, *новые* для этой парадигмы положения о внутритерриториальной сущности гораздо более эффективного, чем прежний, типа власти – власти над идеями, кредитами, технологиями, рынками и др.²⁴.

Еще дальше пошли французские геополитики В. Блаш и М. Валло. Они подчеркивали, что среда становления и развития государственных организмов – это не просто территория, но и пространство, которое человек преобразует в зависимости от *технического* уровня и *ценностей* своего времени. Так, существуют религии, открытые для технического прогресса или враждебные ему. Вслед за М. Вебером Блаш ввел понятие «западного синдрома» как культа труда и покорения природы, освящаемого протестантизмом. В отличие от него, «восточный синдром», представленный, например, буддизмом с его культом созерцания, не благоприятен для развития технического потенциала государств.

Небезынтересно проследить и неоднозначность наследия Г. Мортентау, которого принято считать «отцом теории политического реализма». С одной стороны, он полагал, что «человеческая природа, из которой черпаются законы политики, не изменилась со времен классической философии (древ-

²³ Г.В. Ф. Гегель, *Философия истории*, Наука, Санкт-Петербург 1993, с. 299.

²⁴ См.: W.N. Kenneth, *Theory of international Politics*, Random Haus, 1979.

них) Китая, Индии и Греции, где были сформулированы эти законы»²⁵. Но для него *реализм* власти – это *переменная* величина. Она зависит от политического и культурного контекста, от широкой гаммы национальных задач, осознания нравственного значения политических действий и неизбежных столкновений между моральными законами и требованиями эффективности политической деятельности. Наивысшая добродетель – разумность. Моральный закон не совпадает с общественным мнением и частными интересами, создает шансы справедливого отношения к другим народам, оберегает от политического безумия. Вместе с тем политреализм учитывает эти факторы, но не подчиняется им. Это «философия политического успеха».

Такой подход невозможно однозначно «прописать по ведомству» *realpolitik*. Скорее это второе издание интенции Макиавелли к универсалистской, не сводимой к национальным интересам, политике, но трезво учитывающей реалии международной анархии.

Универсалистская альтернатива в геополитике, основанная на базовых общечеловеческих *ценностях*, была отодвинута в тень двухполярного мира и холодной войны, но ныне, по все более многомерном мире, переживает ренессанс. Н. Косолапов отмечал, что «нормативность открыто возвращается в международно-политические исследования, но теперь уже в новом качестве: как этическое, а не познавательное начало, и как нравственный ориентир (...) нормативность проявилась прежде всего в нравственном отрицании и отвержении краеугольных принципов, на которых базировалась картина мира и мирового развития по шкале „политического реализма” и производная от нее политика»²⁶.

Далеко не все сторонники универсализма соглашаются с тем, что, поскольку в мировом обществе до сих пор отсутствует принудительная сила, постольку международная система остается анархической. Так, Й. Фергюсон полагает, что «гораздо более правдоподобным является обратное. С беззаконием и насилием чаще всего сталкиваются в трущобах, в действиях организованной преступности, в этнических конфликтах, в беспорядочном терроризме и гражданских войнах (...). И наоборот, межгосударственные войны – сегодня редкий случай, и многие сферы транснациональных отношений являются мирными и рационально предсказуемыми. Формальные и неформальные правила игры ограничивают степень анархии (...), результатом чего является значительная регулярность и, как правило, преобладание деловых отношений»²⁷. Другой представитель универсалистского направления А. Вольферс рассматривает безопасность не как самоцель, а «ценность наря-

²⁵ Цит. по: Философские науки, Москва 2000, № 4, с. 43.

²⁶ Мировая экономика и международные отношения, Москва 1998, № 2, с. 68.

²⁷ Й. Фергюсон, Глобальное общество в конце XX столетия // Современная международно-политическая наука: состояние, проблемы, перспективы, Москва 1998.

ду с другими ценностями национального государства». Она является средством по отношению к таким базовым ценностям, как «благополучие», «развитие», «свобода», «суверенитет», «территориальная целостность» и т.п.

Стоит подчеркнуть, что универсалистская субординация смыслов и выражающих их терминов вовсе не означает, как полагает Л. Ионин, что «в принципе либерально-демократическое мировоззрение не предполагает существование геополитики»²⁸ даже в «идеально-типической» перспективе. Это не более чем благодушная иллюзия.

В поисках геоглобалистского синтеза

*Вина духа, если он не может стать силой, и вина силы,
если она не сочетается с человеческой сущностью во ее глубине*
Карл Ясперс

Возможно ли в принципе встать «по ту сторону» как консервативной *reallpolitik*, так и либерально-универсалистской геополитики? Наверняка нет, потому что их реалии, тем более – симбиоз между ними объективно превращают «наблюдателя» в объекта и даже «дубьекта» (термин А. Платонова) процессов и событий. Такое «всеобщее и полное разоружение» заметно, если мы признаем, что геополитика, как и политика вообще, зиждется на различных системах ценностей, и поэтому нет и не может быть «общей геополитики». Тем не менее возможно, необходимо и императивно пробивает себе путь диалектическое «снятие» того конструктивного, которое содержат в себе оба течения геополитики.

Этим предопределяется *эволюция* геополитического знания по таким ступеням: вначале освоение *многофакторности* геополитики, ее несводимости к пространственному измерению (Бланш, Валло, Спайкмен, Моргентау); затем – переход от «географической» геополитики к *социологической*, постижение сущности, структуры и динамики глобальной социальной общности (Косолапов 1998, Цыганков 1999); далее – к постижению более емких *цивилизационных* оснований геополитики (Бродель, Валлерстайн, Киссинджер, Лернер, Хантингтон, Шлезингер), наконец, к *культурно-цивилизационному* синтезу (Бади, Бауман, Бенхабиб, Дюрасел, Закария, Зиден-топ, Ханна, Фукуяма, Хаттон, Этциони).

Показательно, что социологические интерпретации геополитики, являясь заметным шагом вперед, довольно быстро выявили свои пределы, и симптоматично, что такое понимание обнаружили именно международники-практики. Так, сотрудник МИД Российской Федерации А. Чурилин на

²⁸ Л.Г. Ионин, *op. cit.*, с. 40–41.

заседании «круглого стола» журнала МЭМО констатировал: «Надо искать какую-то *единую теорию* мировых процессов последнего времени (...) понимать происходящее в Европе и мире было бы легче, и формирование политики было бы более эффективным, если бы мы имели научно обоснованную картину мировых процессов»²⁹.

По сути, Вызов глобализации потребовал адекватного Ответа, выработки *культурно-цивилизационного* интеграла, «последних оснований» геополитики. Они выражаются емким смысловым термином *геокультура*. Исходя из потребности в широкой интерпретации мировой политики, ее общей социально-философской теории, Н. Косолапов ставит проблему сущности такого сегмента МО, как геополитика, в ракурсе «взаимозависимости геополитики и геокультуры (...). При таком, по-своему определенном взгляде на мировое развитие – пишет он – исходящем не просто из признания политической взаимосвязи и взаимозависимости мира, но и более глубокой его цельности, диктуемой территориально-природной обусловленностью деятельности и всего бытия человека (включая культуру и экологическое равновесие), МО оказывается как бы текущим „срезом“ основных направлений, процессов (...) мирового развития»³⁰.

В России сформировалось целое течение, которое разрабатывает проблематику синтеза геополитики и глобалистики на культурно-цивилизационных основаниях. Их можно определить как *геософские*, если исходить из того, что культурология, как философия культуры, ныне жизнеспособна и востребована лишь в геоглобалистском контексте³¹.

Отмеченный *парадигмальный* поворот ясно выражен в афоризме доброй памяти известного культурфилософа Г. Померанца: «Одной физической географией всего этого не объяснить. Среда – зов, а культура – ответ»³². Мир меняется, бросая вызов традиционной геополитике, но следует признать, что апелляция к геокультуре пока по преимуществу происходит в форме цивилизационного «инобытия» – *геоэкономики*. Ее отношение к обеим ветвям геополитики неоднозначно, и пока можно констатировать ситуацию «перетягивания каната». В этой связи характерна эволюция Ф. Фукуямы. Изначально он вещал наступление либеральной нирваны «конца истории» и едва ли кантовский «вечный мир» в планетарном масштабе. Вскоре в работе «Войны будущего»³³ он отошел от пацифизма (об этом свидетельст-

²⁹ Мировая экономика и международные отношения, Москва 1998, № 1, с. 61.

³⁰ Мировая экономика и международные отношения, Москва 1998, № 2, с. 76.

³¹ Обоснование этой новой парадигмы автором статьи см. И.Я. Левяш, Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение (кн. 1 – 485 с., кн. 2 – 408 с.), Белорусская наука, Минск 2012.

³² Дружба народов, Москва 1996, № 8, с. 196–197.

³³ Ф. Фукуяма, Войны будущего // Независимая газета, 11.02.1995.

ует уже название работы) и, подтверждая свое неприятие геополитического фундаментализма, апеллировал к новой «природе власти», которая все больше связана с «человеческим капиталом – знаниями и навыками населения». Вместе с тем такая ориентация не приведет к идиллии, потому что «будут вестись войны, которые уже сейчас кое в чем нам знакомы. Военные конфликты будут подняты на другой уровень – уровень экономической жизни». Но если экономическая жизнь предусматривает «полную легитимацию интересов собственника и накопленного богатства», то какой «человеческий капитал» стремится к новому переделу мира? Ирония развития состоит в том, что межгосударственная конкуренция в будущем будет определяться характером обществ (...). И для всех стран во главу угла будет поставлен вопрос, кто может наиболее эффективно развить и использовать «человеческий капитал». В ходе этого соревнования – сублимации нынешних войн, изменится понимание многих вещей, в том числе и то, что в прошлом называлось «войной».

Перед нами – картина не сублимации войн, а их *подлинная сущность*. Ныне для экономической «аристократии» вести классические войны рискованно, а разрушать производственную и социальную инфраструктуру – непродуктивно. В таком новом раскладе апелляция к примату культуры, «человеческому капиталу» имеет не ценностный и самоцельный, а *функционально-стратегический* характер. Такие стратагемы, уходя от фундаменталистской геополитики, еще не меняют ее «черствого партикуляризма», не восходят к искомому универсализму.

Современная геополитика напоминает мозг с двумя ассиметричными полушариями. Она исходит из динамичного и неравновесного *баланса* партикулярного авторитета силы и силы универсалистского авторитета. Вероятно, в этом ключе – апелляция Ф. Ницше к наследию Н. Макиавелли: «(...) ни один философ не усомнится в том, что следует считать образцом совершенной политики; конечно, макиавеллизм. Но макиавеллизм (...) сверхчеловечен, божествен, трансцендентен; человек никогда не осуществляет его вполне (...) идеал этот, по-видимому, никогда не был еще достигнут. И Платон только коснулся его»³⁴.

Квинтэссенция учения Макиавелли в том, что диалектика авторитета силы и силы авторитета – это связь прошлого, настоящего и будущего в природе человека. Его прошлое – «зверь», его будущее – человек, «человечность». Настоящее – баланс зверо-человека. Мера вытеснения/укрощения зверя и *очеловечивания*, обесценивания авторитета силы и возвышения силы авторитета – это критерий прогресса. На I-м Всероссийском политологическом конгрессе президент Российской ассоциации политической науки М. Ильин призвал провести заседание под лозунгом «Назад, к Макиа-

³⁴ Ф. Ницше, *op. cit.*, с. 129.

велли»³⁵. Но в каком смысле – «Назад»? Ориентируясь на давнее и прочное тавро жесткого *realpolitik*'а на челе итальянского мыслителя? В контексте его подлинного наследия есть все основания для девиза «Вперед, к Макиавелли!». Реализация этого девиза означает формирование целостного *геоглобалистского* видения мира, по-своему *монистической*, не сводимой «к теории факторов», методологии, которая исходит из «последних» культурно-цивилизационных принципов, как корневой системы и ценностно-смысловой вершины мира, и вместе с тем рассматривает его Древо во всех значимых «ветвях» и их взаимосвязях. В принципе методологически верно обобщение М. Лернера: «Не существует какого-либо одного ключа к раскрытию логики этого (глобального) сдвига: ни технический прогресс, ни военная мощь, ни личные качества великих лидеров, ни господствующие идеологии и религии не могут служить ключом к разгадке. Для того, чтобы дать адекватное объяснение, следовало бы рассмотреть мировую историю как процесс, обусловленный широкими движениями, которые, выходя за рамки отдельных стран и даже за рамки общих континентальных ресурсов, представляют собой крупные энергетические системы, черпающие жизненные силы из каждого источника и организующие армии и идеи, экономику общества в эффективные стимулы развития»³⁶.

В геоглобалистской оптике решающая особенность современности в том, что если ранее внешняя политика была продолжением внутренней, то отныне – их *круговорот*, *взаимо-обусленность*. Все более ясно, что такое движение диктуется не только массой, формой, расположением и т.п., но и сами эти признаки – во многом необратимой *динамикой*, гераклитовым потоком мирового социально-политического океана. Если ранее, в эпохи Большой традиции, развитие характеризовалось властью *пространства над временем*, то ныне – властью *времени над пространством*.

Эта проблема привлекает все более пристальное внимание современных исследователей. Об этом свидетельствует colloquium «Международное право и время», проведенный в 1999 г. французским обществом международного права в Париже. В центре дискуссии был концепт *хронопространство*, разработанный американскими авторами П. Вилирио (1983) и Дж. Гликом (1999). Д. Уорнер в докладе на Вторых Горчаковских чтениях (Москва) рассмотрел понятия *ускорения* и *сжатия времени* и проанализировал роль ускоренного времени в современной политике³⁷. Параллельно российские политологи А.С. Панарин и М.В. Ильин ввели особый термин для обозначения связи пространственного анализа с временным – «*хронополитика*».

³⁵ Независимая газета, 18.02.1998.

³⁶ М. Лернер, *op. cit.*, с. 411–412.

³⁷ См.: Вторые Горчаковские чтения «Мир и Россия на пороге XXI века», 23–24 мая 2000 г., <http://www.rami.ru/publications/gorchakov/worner.rtf>

Хронополитический подход означает принципиальную переоценку традиционных ценностей и ориентиров геополитики в контексте глобализации. «Трудно менять богов» (Гегель), и «охотнее всего ссылаются на глобальность современного мира, но (...) глобальность мыслится как нечто экстенсивное: побольше захватить, дальше проникнуть, за всем следить, везде присутствовать (...). В действительности нынешняя глобальность представляет собой скорее *интенсивное* (качественное), нежели количественное расширение нашего жизненного мира»³⁸.

Такая интенсивность таит в себе как надежды, так и угрозы. Бурная и трагическая хронополитика XX-начала XXI столетий не оставляет сомнений в глубине и востребованности предостережения Ф. Достоевского о взаимосвязи неограниченной свободы и неограниченного деспотизма. Обремененное грузом глобальных проблем, человечество заведомо не выдержит круговерти иллюзий «вечного мира» и практики «войны всех против всех». Безмерно усложнившийся мир вызвал такое перенапряжение и энтропию, что императивна потребность в принципиально новой парадигме. Она не сводима ни к абстрактному гуманизму «универсализма», ни к быстрой эффективности прагматической *realpolitik*.

Востребовано понимание глобализации не только как деконструктивной угрозы, но и *конструктивного Вызова* человечества самому себе, его культуротворческой способности ко второму изданию «осевого времени», в котором становление единой планетарной цивилизации станет предпосылкой обновленной «цветущей сложности» культур. На наших глазах формируется *новая универсалистская или геоглобалистская парадигма* геополитики. Ее суть заключается в ценностно-смысловой инверсии: не политика в контексте геополитики, а наоборот – геополитика в контексте политики как системно-синергичного интеграла культурно-цивилизационных оснований общества. Это означает, что *какова геополитическая культура, такова, в конечном счете, и геополитика*.

Для современного политического Левиафана это беспрецедентное задание – как по глобальному масштабу, так и по глубине и интенсивности. В духе шиллеровского образа («Когда короли строят, у возчиков есть работа»), «короли» и «возчики» должны строить, но не Вавилонскую башню, а здание *геоглобального политического оптимума*. Его созидание предполагает «обуздание» дурной бесконечности «войны всех против всех», практическую гуманизацию цивилизационных политических технологий в смысловом поле и под жестким контролем универсальных социокультурных ценностей. Перспективность такой политики – в ее способности, как *самоцели*, разрешать назревшие противоречия между многообразными политическими

³⁸ П.К. Гречко, К вопросу о понятии «национальная безопасность» // Социально-политический журнал, Москва 1998, № 2, с. 95.

субъектами, и результативностью, адекватной этой сверхзадаче, в конечном счете, противоречия между культурными и цивилизационными основаниями политики. В этом смысле остается востребованным обращенный в будущее вопрос Зевса поэзии: «Могущество, когда, когда / соединишь ты с властью разум?»³⁹.

[знаков 49 880]

Przedmiotem artykułu jest analiza dialektyki interesów oraz wartości w polityce międzynarodowej tzw. globalnych aktorów. Celowi artykułu odpowiadają główne zadania identyfikacji oraz samoidentyfikacji aktorów działalności politycznej. Przejściowy charakter świata w warunkach globalizacji wymaga zrównoważonego uznania zarówno siły autorytetu, jak i autorytetu siły. W rezultacie coraz bardziej perspektywiczną staje się synteza dwóch systemów – interesów oraz wartości – w nowym geoglobalistycznym myśleniu oraz praktyce.

słowa kluczowe: globalizacja, interesy, wartości, geopolityka, geoglobalistyka

The subject of the article is an analysis of the dialectics of interests and values in the international politics so-called global actors. Purpose of the article corresponds to the main tasks of identification and self-identification of the actors of political activity. The transitive character of the world in the conditions of globalization demands the balanced recognition both a force of authority, and authority of a force. As a result more and more perspective is becoming a synthesis of two systems – interests and values – in new geoglobalistic thinking and practice.

keywords: globalization, interests, values, geopolitics, geoglobalistics

³⁹ См.: Вторые Горчаковские чтения «Мир и Россия на пороге XXI века», 23–24 мая 2000, г. <http://www.rami.ru/publications/gorchakov/worner.rtf> (с. 224).